

ТРИ

— Мы были на ярмарке неподалеку от нашей деревни, — сказал мужчина, назвавший себя учителем. — Ушли оттуда уже на закате. На улице было темно. Лампы в фонарях перегорели. Тогда я не придавал этому значения, даже не посмотрел по сторонам. Как же горько я теперь об этом жалею!

Аптекарь снова принялась вырываться, и мужчина затараторил:

— На нас напали четверо. Выскочили из темноты, забрали деньги и украшения. А потом изрезали нас ножом, доктор-сагиб, изрезали ножом и бросили валяться на дороге. Точно мешки с мусором. Бросили нас и ушли.

Пришельцы были бледны. Кожа их действительно имела нездоровый оттенок. Но каким же образом...

— Когда это случилось? — уточнил хирург.

— Сегодня вечером.

— Не было сегодня никакой ярмарки. По крайней мере, я ничего такого не слышал...

— Это случилось не здесь, доктор-сагиб. Мы из другого округа.

— Чушь какая-то. Как же вы сюда добрались? Солнце только-только село, и часа не прошло. И как вы остановили кровотечение?

— Никак.

У хирурга невольно поджались пальцы на ногах, упершись в твердую кожу ботинок.

— Как же вы выжили?

— Никак.

Это уже ни в какие ворота не лезло. Можно говорить что угодно, нести несусветную чушь, нанизывать буквы, как бусины на нитку. У хирурга мешался ум: он тщетно пытался отыскать в словах мужчины хоть крупицу смысла.

Он шагнул к пришельцам. Жена учителя, точно прочитав его мысли, сняла шаль, открыв рану, и запрокинула голову. Чудовищное зрелище; у хирурга подкосились ноги, он отшатнулся, упал в кресло. Как же прогнать эту галлюцинацию? Может, со всей силы ударить головой о стену или стол... раскроить себе череп. Да только поможет ли?

Тишина оглушала: казалось, еще немного — и у него лопнут барабанные перепонки. Ящик, в котором предположительно лежали ножницы, притягивал взгляд. Послышался всхлип; он не сразу понял, что плачет аптекарь. Она обмякла в руках пришельца.

— Отпустите ее, — хирург выпрямился в кресле.

— Н-не могу, доктор-сагиб. Она перебудит всю деревню. А я не могу этого позволить.

— Она будет молчать. Отпустите ее.

Учитель с женой тревожно переглянулись, он зажмурился и выпустил девушку. Та отпрянула от него, забилась в дальний угол комнаты, тихонько заскулила, но кричать не стала.

Хирург качнулся вперед, с силой надавил большими пальцами на веки. В темноте плясали вихри и паутины.

— Вы нужны нам, доктор-сагиб. Нам больше не к кому обратиться.

— Что вы несете? Что вы...

— Без вашей помощи мы так и останемся мертвецами.

— Мертвецы не ходят. — У хирурга кружилась голова. — Мертвецы не говорят. У мертвецов нет другого выбора, как оставаться мертвецами. Вы лжете.

— Я понимаю ваши чувства, сагиб, поверьте. На вашем месте я бы тоже подумал, что это невозможно. При жизни я никогда не верил в рассказы о призраках, одержимых и домах с привидениями, во все эти байки, которыми старики страшат внуков. Я и ученикам своим говорил, мол, все это чепуха, не поддавайтесь суевериям. И я прекрасно понимаю, что вам нет никакого резона верить моим словам, доктор-сагиб. Но поверьте нашим ранам. Осмотрите их и сами скажите: можно ли с такими повреждениями остаться в живых?

Хирург убрал пальцы с глаз. Вихри испарились, семейство же никуда не делось: тела их окутывала дымка, словно контуры фигур расплылись, стерлись. Как он ни старался, прищельцы не исчезали. Хирург заморгал; с каждым мигмом он видел их все четче, точно они становились плотнее.

— Может, вы просто воры? Если так, скажите прямо. У меня в сейфе есть деньги. Забирайте и уходите. Незачем устраивать этот изощренный...

— Ради бога, доктор-сагиб, послушайте. На рассвете мы снова станем живыми.

Но это же невозможно! Такого просто не может быть.

— Зачем вы пришли ко мне? Найдите себе священника, колдуна. А меня оставьте в покое.

— Зашейте наши раны. На рассвете наши тела снова наполнятся кровью, и мы уже не будем ходячими мертвецами.

— Как? Почему? Разве такое возможно?

— Трудно объяснить, доктор-сагиб, да и долго получится. Я и сам всего не понимаю. Могу лишь сказать, что ангел смилостивился над нами. Я вам все позже объясню. У нас очень мало времени. Я ничего не смыслю в хирургии, но догадываюсь, что такие тяжелые раны, как наши, зашить не так-то просто: на это, чего доброго, уйдет вся ночь.

Холод сдавил хирургу душу.

— Вы с ума сошли? Вы хотите, чтобы я оперировал вас здесь? Вот в этой лечебнице? Тут нечем даже сделать репозицию⁴, не то что сшить лопнувшие кровеносные сосуды и прочие внутренние раны. Это безумие, вас нельзя здесь оперировать. Езжайте в город. Немедленно.

— Но доктор-сагиб...

---

⁴ Репозиция — сопоставление обломков кости при переломе.

— Поезд ходит каждый час. На нем вы доберетесь до города.

— Сагиб...

— Хотя что это я: какой поезд, лучше езжайте на автомобиле. Возьмите мою машину. Можете даже не возвращать: мне все равно. Водить умеете? Нет? Ладно, я сам вас отвезу в хорошую больницу. А вы объясните врачам, что с вами случилось. Они вам помогут.

Он подошел к аптекарю. Та вжалась в стену, словно хотела просочиться сквозь нее.

— Идемте, — хирург помог девушке подняться и повел ее к двери.

— Постойте, — в отчаянии окликнул их учитель. — Нельзя нам в город. Нас отпустили только сюда: что вы сумеете здесь сделать, тем нам и придется довольствоваться. Если же покинем деревню, ангел тут же отнимет у нас жизнь.

— Что? Бред. Зачем ангелу нужно, чтобы вы оставались в деревне?

— Клянусь, сагиб, это правда. Это было самое главное его условие.

— Но это же просто смешно. Вы, должно быть, ослышались или неправильно его поняли. Я сейчас отведу эту девушку домой, к мужу, и вернусь за вами. Не будем терять времени.

Хирург подошел к двери, потянулся к засову, но тут учитель произнес так тихо, что если бы в эту минуту подул легчайший ветерок, то слов его уже было бы не разобрать.

— Если мы поедem с вами, сагиб, то за пределами деревни наши тела онемеют, и остаток пути вам придется проделать с тремя трупами в машине.

Хирург замер как вкопанный. Голова его налилась свинцовой тяжестью: он вдруг остро почувствовал абсурд происходящего. Он представил, как пришельцы лежат на операционном столе, а он хлопчет над их обескровленной плотью, точно проводя вскрытие — душа его возмутилась против этого слова, но как еще назвать операцию на мертвецах? Ну и вечер, сплошная череда нелепиц.

— Пожалейте нас, — взмолился учитель. — Если наши раны не зашить, мы снова умрем, и смерть наша будет столь же страшной и кровавой, как в первый раз. Если мне вы ничем не можете, помогите хотя бы моей жене и сыну. Умоляю, подарите жизнь им и моему нерожденному ребенку. У меня с собой нет ни денег, ничего, но я сделаю все, что скажете. Только не прогоняйте нас.

Пришелец бросился к ногам хирурга. Тот застыл столбом, повторяя, как дурак: «Нет, нет, не надо, не надо», — и даже не вздрогнул, когда мертвец вцепился в его ботинки.